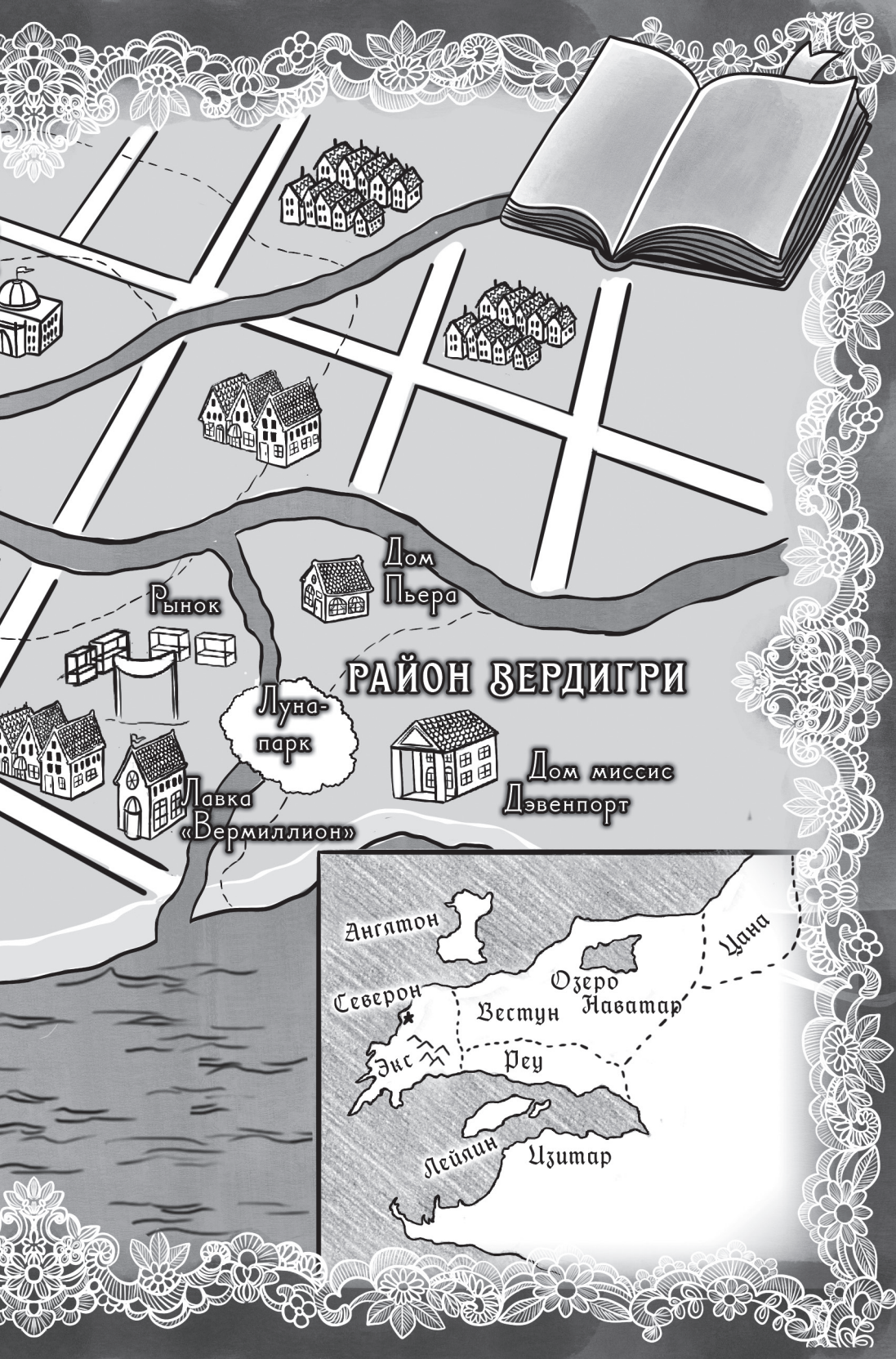

РАЙОН ВЕРДИГРИ

Дом миссис
Дэвенпорт

Дом
Пьера

Луна-
парк

Рынок

Мавка
«Вермиллион»

The Vermilion Emporium
by Jamie Pacton

Джейми Пэкстон

ЛАВКА «ВЕРМИЛЛИОН»

*Перевела с английского
Жанна Терехина*

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44
П97

THE VERMILION EMPORIUM
by Jamie Pacton

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Пэктон, Джейми.

П97 Лавка «Вермиллион»: роман / Джейми Пэктон ; пер. с англ. Ж. Терехиной. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2025. — 400 с.

ISBN 978-5-04-215352-5

Одинокий искатель приключений Твен, мечтающий вырваться из своего унылого городка Северона, отчаянно нуждается в деньгах. В поисках ценных перьев он поднимается на утесы и случайно находит нить звездного света — редчайший вид магии, который считался утраченным. В это же самое время Кинта, ассистентка фотографа, после смерти матери годами искавшая загадочную волшебную лавку, способную изменить ее жизнь, наконец находит ее.

На пороге лавки «Вермиллион» их пути пересекаются. Твен и Кинта быстро понимают, что за дверью скрывается нечто способное перевернуть их судьбы. Внутри они обнаруживают книгу, которая учит плести из звездного света драгоценное кружево.

Вскоре их кружево привлекает внимание касорины, правительницы Северона. Она поручает Кинте и Твену сшить для нее платье из звездного света, обещая щедрое вознаграждение. Но для выполнения заказа требуется больше материала, а тайна происхождения звездного света давно потеряна.

В поисках ответов Твен и Кинта узнают, что секрет магии звездного света не был просто утрачен — его уничтожили. И на то существовали веские причины...

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)-44

© Жанна Терехина, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2025
Popcorn Books®

ISBN 978-5-04-215352-5

First published in the United States under the title
THE VERMILION EMPORIUM by Jamie Pacton.
Text Copyright © 2022 by Jamie Pacton.
Published by arrangement with Peachtree Publishing
Company Inc. All rights reserved
Иллюстрация на обложке © Eliot Baum
Map illustration by Catherine Scully

*Посвящается радиевым девушкам,
жизни и любви, которой не досталось
каждой из них*

*Посвящается Эшли Хирн, замечательной редакторке,
волшебной рассказчице, книжной фее-крестной.
Спасибо, что помогла родиться Кит,
Джейн, Кинте и Твену*

Твен

Это был день открытий.

Твен Вернье чувствовал это нутром. Не то чтобы у него было время размышлять о своих чувствах, ведь в настоящий момент он цеплялся за скалу в полмили высотой, нависшую над побережьем Северона, и больше походил на паука, чем на семнадцатилетнего парня. Порывистый октябрьский ветер хлестал склон, пах солью, снегом, который скоро выпадет, и птичьим пометом. Неослабевающий ветер трепал Твена за волосы, стянутые сзади веревкой, и пробирал сквозь тонкую рубашку.

Давно перевалило за полдень, в воздухе звучала зловещая музыка. «Тебе здесь не место, дурачина, — выла она. — Спускайся сейчас же, пока еще не поздно».

Не обращая внимания на ветер, Твен глубже засовывал светло-коричневые пальцы в расселину рядом со своей головой. От восхождения на каменную глыбу болели мышцы, руки больше не напоминали ухоженные руки музыканта. Кончики пальцев были в крови, костяшки ушиблены. Вот и хорошо. Музыка для других времен. Для другого Твена. Он был готов сломать себе руки на этой скале, если бы такой

ценой поднялся на вершину и заработал на то, чтобы выбраться из Северона.

«Давай!»

Твен с криком рванул вверх, зацепившись за вертикальную трещину в нескольких дюймах справа от себя. Пальцы ног задели узкий выступ, и Твен там задержался — икры дрожали, дыхание сбилось, каждая мышца напряглась, чтобы удержать тело на скале.

«Это было рискованно. Пожалуй, слишком рискованно».

«Не останавливайся!»

Твен запрещал себе смотреть вниз. После трех судорожных вдохов сдержаться он не смог. Взгляд скользнул мимо крохотного выступа, где окоченевшие пальцы его ног согнулись вокруг гладкого камня. Далеко внизу волны бились о скальную колонну. Твен потратил большую часть утра, чтобы приплыть сюда на веслах; сейчас его лодка раскачивалась на темной воде, удерживаемая на месте якорем. С выступа, за который цеплялся Твен, лодка казалась не больше умывальницы.

До основания скалы далеко; под пенящейся водой острые, как нож, камни.

Даже на такой высоте ледяные брызги долетали до краев брюк Твена, жалили ему босые ноги. В октябре лазать по скалам без обуви слишком холодно, но до гнезд гагарки никак иначе не добраться. А в деньгах Твен нуждался больше, чем в пальцах своих ног. Если двигаться достаточно проворно, он мог сохранить и то и другое.

Оторвав взгляд от щерящихся зубов моря, Твен на глаз измерил расстояние до колонии гагарок на выступе у него над головой. Перья целыми кучами засыпали вершину скальной колонны. Совсем близко. Но совсем близко не зна-

чит в руках. Твену еще предстояло выползти из-под горизонтального выступа и подтянуться на вершину. Пока он разглядывал отвесный склон, сильный порыв ветра разбросал часть драгоценных перьев.

— Нет! — вскрикнул Твен, потянулся, чтобы схватить летящее мимо перо, но не смог. Это было все равно что смотреть, как в море падает золото.

«Пошевеливайся, не то остаток перьев ветром унесет!»

Как правило тускло-серые, перья гагарки становятся индиговыми, когда птицы сбрасывают их в условиях дикой природы. Никто из ученых северонской Сайнтифики не знал, почему так получается; дикие птицы в неволе чахнут, их перья никогда не меняют цвет. Редкие, красивые, смертельно опасные для тех, кто их добывает, индиговые перья были мечтой первых богачек Северона. Перьями украшали шляпки. Воротники бархатных платьев. Или, в редчайших случаях, из них шили накидки цветом как вороняжка.

Говорили, что у касорины, главы Северона, тридцать подобных накидок.

С таким высоким спросом раньше лазунов было больше, но один за другим они каждый сезон встречали свою смерть на скалах. В итоге остались только Твен и его младший брат Занд. Не то чтобы Занд был хорошим лазуном — и не то чтобы Занд был еще жив.

Твен выругался, когда кручина полоснула его ножом. Все, что ему хотелось, — забыть тот день трехмесячной давности. Ему хотелось снова стать тем, кем он был до падения Занда, — заботливым старшим братом и восхитительным музыкантом, который играл на скрипке в тавернах, целовал девушек, приходивших на его выступления, и лазил по скалам за перьями, когда нуждался в свободных деньгах.

Те роли казались простыми, и Твен знал, как их исполнять. Он не знал, что делать сейчас, когда все изменилось.

«Забудь о той жизни. Отрешись от всего и живи дальше».

Как бы ни хотелось Твену, он не мог забыть ни то, что Занд сорвался с этой самой скалы. Ни то, как голодные волны уволокли его прочь прежде, чем Твен смог до него добраться.

Твен закрыл глаза, не в силах заглушить крик Занда, звучащий у него в ушах. Так получается, когда умирает человек, которого ты любил, — приходится жить дальше без него, даже если не хочется. Поэтому ты каждое утро выбираешься из постели (точнее, в те утра, когда это удастся). Ты заставляешь себя сделать шаг, потом еще шаг. И возможно, однажды ты проснешься, и боль отступит. Или ты перестанешь думать, что видел умершего в городе. Или перестанешь слышать его голос. Или его крики.

Твен сделал вдох, медленный и неровный.

«Просто держись. Влезь на эту скалу. Такое тебе по силам».

За месяцы, прошедшие после гибели Занда, Твен истратил их скудные сбережения. Заставить себя исполнять музыку он больше не мог, и друзья перестали просить его об этом. Сегодняшнее отчаянное восхождение было его единственным шансом заработать на побег из Северона.

«Если раздобудешь перья гагарки, то и цену свою назначишь».

В этом заключались горькое утешение и единственное преимущество восхождения на скалу в самом конце сезона.

Твен не смог спасти брата, но это не значило, что он собирался погибнуть на этой скале. Отбросив все мысли о Занде, Твен унял дрожь в руках. Он слегка изменил положение тела, поправив холщовую сумку, висевшую на груди. Подобно инженеру, он изучал трещины на колонне. К досаде родителей-

ученых, Твен начал лазать по скалам раньше, чем ходить. Конкретно эта скала была не более чем головоломкой. Лабиринтом линий и трещин, который следовало распутать. Ответ скрывался прямо здесь, его требовалось только найти.

Горизонтальная расселина над головой была вне досягаемости, но, ухватившись за нее, влезешь быстрее, чем цепляясь за длинную вертикальную щель справа. Оба пути сулили верную смерть, но тем утром Твен проснулся с уверенностью, которая порой его посещала: сегодня день открытий. Значит, он сделает рывок.

Глубокий вдох, молитва любым богам или призракам, готовым его слушать; Твен оттолкнулся от скалы и сделал рывок к расселине. Слишком далеко. Слишком трудно уцепиться. Твен вытянулся, насколько позволял позвоночник, растопырил пальцы, ухватился, соскользнул. Мелкие камешки летели мимо Твена, когда он пытался ухватиться, закрепиться — что угодно.

Не получилось.

Руки молотили воздух, тело скользнуло вниз по скале, камни драли рубашку, впивались в кожу. Если неудачно упадет, от него ничего не останется. Но вот Твена хлестнул сильный порыв ветра. На миг его пригвоздило к поверхности скалы, словно рука великана удержала его на месте. Карабкаясь, Твен задевал малейшие щели. Боль пронзила плечо, и Твен вскрикнул. А потом его крик превратился в смех. В высокий золотой звук чистого восторга.

Твен жил ради моментов, когда оказывался на волосок от гибели.

Вися на одной руке на полпути к вершине скалы над алчным до добычи морем, Твен напоминал сережку с драгоценным камнем, болтающуюся в ухе богачки. Крутящуюся всем

на восхищение. Вот только смотреть было некому. Некому было дивиться игре мышц на широких плечах Твена, когда тот подтянул себя на последние несколько футов и бухнулся на выступ, покрытый гнездами гагарки.

Он справился. Еле-еле.

Стараясь набрать в грудь побольше воздуха, Твен лежал на спине среди перьев. В небе кружили чайки, а вот гагарок видно не было. Если удача не изменит, гагарки вернутся с моря, когда его давно след простынет.

Медленно, через боль Твен сел и запихнул себе в сумку столько перьев, сколько получилось. Кровь бурлила от адреналина, руки исцарапались при восхождении, зато ноги стояли на прочном камне. А это кое-что да значило. Надежно упрятав все перья с выступа в сумку, Твен задрал рваную рубашку и осмотрел раны. Грудь пересекало несколько царапин, из длинного пореза на живот капала кровь. Твен осторожно ощупал себе ребра. Сломанных нет. Ему доставалось и сильнее.

Твен отдышался, и облегчение накрыло его с головой. Он справился. Наконец что-то получилось. Твен вытащил из сумки флягу и на секунду расслабился.

Здесь было красиво. Вокруг под солнцем сверкало море. Корабли усеивали горизонт, словно муравьи, ползущие к Северону. На глаза Твену попался трехмачтовый корабль с красными в синюю полоску парусами, входящий в главную гавань города. Возможно, он был полон чужеземных ученых, направляющихся в Северон изучать редкие книги Арканы в Большой библиотеке. Или же на его палубе теснились облаченные в меха торговцы из северных королевств, решившие увидеть технологические чудеса, созданные в мастерских северонской Сайнтифики. Или же на нем плыли

простые люди, желающие увидеть легендарные музеи и галереи Северона.

Дальше от скалы в доках стояла «Женская месть», грузовое судно с ярко-зелеными парусами. При виде нее у Твена встрепенулось сердце. Сегодня первое октября, а в последний день месяца «Месть» отправлялась в кругосветное плавание на поиски приключений и открытий. Твен твердо решил на ней уплыть.

Твен потянулся, подставляя солнцу замерзшие пальцы ног. «Видели бы мать с отцом сейчас меня, готового отправиться в кругосветное плавание и оставить Северон в прошлом».

Родители не гордились бы им, но вздохнули бы с облегчением: сын больше не их проблема. Вот Занд скучал бы по нему.

«А сейчас скучать по тебе не будет никто».

При этой мысли сердечная боль снова пронзила его кинжалом, на сей раз кривым и зазубренным. Твен скрючился, снова изумленный изощренностью способов, которыми его настигает тоска. Каждое утро он просыпался, думая, что все в порядке, но в какой-то момент горе одолевало его, наполняя скорбью.

Проклятье! Как же он скучал по Занду! По глазам брата, загоравшимся, когда тот читал новый интересный факт магической истории. По их ссорам из-за глупостей, вроде того, кому есть последнюю горбушку. По громкому смеху Занда, по его обыкновению подбирать бездомных кошек. Твен скучал по мелким глупостям, непостижимым образом складывающимся в характер прекрасного человека.

Мог бы Твен поговорить сейчас с Зандом, он извинился бы, сказал бы, что...

«Прекрати! Ни к чему об этом думать. Особенно когда ты один».

Твен грубо провел ушибленной ладонью по глазам. Ладонь стала мокрой.

«Ты здесь не ради чувств. Ты здесь ради перьев».

Чтобы унять страдания, Твен сделает так, как учила мама, — отрешится, станет наблюдать. «Ученые Сайнтифики ценят логику больше эмоций», — снова и снова напоминала мама.

— Очень жаль, что я не стал ученым, — пробормотал Твен морю и небу. — Тогда горе не мучило бы меня так сильно.

«Отрешись, наблюдай».

Слова не слишком похожи на совет любящей родительницы, но Твену их хватило, чтобы не раскиснуть на скальной колонне посреди моря.

«Наблюдай».

Твен посмотрел в сторону Северона, столицы Экса, настоящей жемчужины побережья. С такой высоты город напоминал беспорядочную палитру художника. Мазок желтого в середине — Аурипигментный дворец, резиденция касорины. Дворец блистал в лучах послеполуденного солнца, крыша подмигивала золотой кровельной дранкой. Аурипигмент обволакивали тускло-бурые пятна университета и Большой библиотеки. Эти здания окружал массив ярко-синего, обозначающий Лазурную Петлю. Метко названные музеи, галереи, рестораны и бутики Лазури сверкали небесно-голубыми галереями, крышами и колоннами. Вдоль береговых утесов лежал район Вердигри. У старейших, самых дорогих особняков были медные крыши, которые со временем стали сине-зелеными или вердигрисовыми.

Еще выделялись ярко-красные участки района Вермиллион. Крытые дешевой глиняной черепицей, дома Вермиллиона заполняли бреши между Вердигри и Лазурью и тянулись к самым берегам Северона. Одно время велись разговоры о том, чтобы обнести Вермиллион стеной, будто стена удержала бы район от разрастания, но от планов быстро отказались: слишком многие богачи любили проस्कальзывать в его темные проулки, кафе, книжные, бордели и магазины.

Дом Твена, лачужка на окраине Вермиллиона, прятался среди дюжины других разваливающихся коттеджей рабочих. С такого расстояния Твен не мог определить, который из домов его. Вдоль восточного горизонта Северона высились горы, защищающие Экс от больших и агрессивных соседей. Малышом Твен провел много вечеров, отвечая на вопросы отца, ученого Арканы, о том, как горы помогли Северону обрести нынешнее великолепие.

Сейчас особого великолепия Твен не видел. Эта мысль напомнила ему о том, зачем он влез на скальную колонну. «Пора спускаться».

Твен огляделся по сторонам в поисках перьев, которые мог пропустить. Целая куча забилась в трещину в скале между пары гнезд. Твен запустил руку в расселину, вытаскивая горсть. Но в руке оказались не только перья. Среди их пурпура лежало что-то гладкое и серебристое.

— Быть такого не может, — пробормотал Твен.

Бросив перья в сумку, Твен аккуратно потянул за серебристую нить. На ней висели кусочки водорослей, отломившиеся от гнезда веточки, пушинки.

Серебряная нить блестела, как омытая росой паутина, и издавала негромкий металлический звон. Твен закрыл